

Первый тур

№ ученика (или шифр работы)			Класс		
<i>1-11-69</i>					
K1 0-10-20-30	K2 0-5-10-15	K3 0-3-7-10	K4 0-3-7-10	K5 0-1-3-5	Итог
<i>22</i>	<i>15</i>	<i>10</i>	<i>8</i>	<i>5</i>	<i>60</i>

Необходимые комментарии, пояснения, рецензия (если нужно):

Подпись проверяющего №1 (с расшифровкой)	Подпись проверяющего №2 (с расшифровкой)	Подпись председателя жюри (с расшифровкой)
<i>Ин-Туркешев Е.З.</i>	<i>Леонид Киселев</i>	<i>Вер/Киселев Е.З.</i>

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2016–2017 учебный год

Региональный этап. Первый тур

11 класс

Шифр					
Л	-	1	1	-	6 9

Количество баллов

60

«Голубиная идилль» — так называется рассказ советского писателя Юрия Трифонова. Уже за рамками текста, с самого первого вступления, название рассказа лишает читателя интриги, и оставляет «идиллию» на привычной и такой отмеченной счастливой коме. Однако в самом тексте это не находим ничего ствего на вопрос о судьбе голубей, привнесших на землю двух помешавших супружес — Сергея Ивановича и Клавдии Никифоровны.

Голубь — символ мира; белая голубка — символ чистоты, кругости, часты мифические метафора в сплохах любви; голуби — свадебные птицы, ими парижане дарили влюбленных пар. Что же могла найти для себя хорошего и приятного сильный голубей на теплую отливе окна заутрачной московской квартире?

Трифонов вводит вспомогательную деталь — голубь — в редкость в городе. Чем, совершенствование жизни в большинстве городов, грудью представить, каково это, когда голуби не берегают-ся на каждом шагу. Для нас эти вечные «многодневные»

стали птиц обжитыми, даже надеющимися. У них и особенного им в образе голубя, все похожи друг на друга, все превращаются в огромную пуховую сизую массу. Голуби сейчас не персоналии, а демографии, акутуджи. Однако раньше так не было: долгое время существовали «голубятни» на мусорных покрасках — специальные домики для разведения голубей. В такой реальности существует рассказ Трифонова.

У «голубиной идели» гротескский финал (что и удивительно — большинство рассказов и повестей того периода принадлежат крутого, «серьезного» определения — «забавные и при妩тные» (Аксиньев, Н.И.д.) — привычных к семье Сергея Ивановича голубей то ли угоняют, то ли стреляют по боле «обустроенностю». Но рассказ на этом не заканчивается. Еще более негативным его делает дальнейшее развитие.

соловий — голуби разбросанные повсюду — распоряжение сверху к какому-то фестивалю, — пакостят на картинах и по утрам звонят, разбросают грауп и шум, запекают плачущие и кроющие. Этот сородичи сидят, сидят, теряют удивительную голубиную верность (потерявшую свою необходимость теперь) — ^{стремительно} ^{воздраузились} ^{домой}, где гниль, тепло, корм и заботы.

Тепло, дом, заботы... уходит. Чувствует, что привело сиюю голуби-«борца» на запечённое окно Сергея Ивановича? Однозначное описание того, что голубь увидел сквозь стекло совершенно не соответствует значению перечисленных моих слов. Презирая вата, потерявшиа от конопли, какие-то ужасные баки, авоськи, сморщенное сосиски... Все эти детали и тщетное оставление странного, неприятного благополучия неопределимы, ограничиваются беспомощностью, беспутством, беспутством, одиночеством, неустрашимостью и покинутостью. Сам Сергей Иванович тоже описан нечуть непривлекательно: волосное винение к деталям (опущенное лицо, тугое ноги, пятна от табака на пальцах) добавляет образу героя некой потерянности, рисует портрет усталого пожилого, борщомлю, даже некрасивого человека. Веерают по другую сторону окна такие волны ноги удручающие.

Тогда что же привело птицу к этому окну? Повторю еще раз: голуби — символ любви, чистоты и верности. В доме Сергея Ивановича и Клавдии Чижевских птицы тиха, скрыты (но их гайка) любовь и чистота, характеризуют пополнок супружеск. ^{Птиц} любви светланка привела голубя именно к этому окну.

Они птицы одиночко — сон поглощ на войне, дочь забыла птиц на Севере, птицы редко. Ванно зачехли — име пополнок стока называю (наскоро — «Федя», а не «Фёдор» или как-то еще иное), а имена дочери чистоты не открывают. Почему? Чуть позже.

Супружеские птицы чувствами, вынужденными. Хронологию их линейка по основам закономер — согласно принципам, а не календарю. Характерные черты голубого времени года, наподобие листа как будто падающего в сиюе времени рассказа. От брачной тихой любви супружеск (как у Ахматовой) настенчую чистоту ли сонце не спугнёт, и она тиха) подхватит

Никиторовика

верное впечатление Клавдии ~~Ульяновой~~ за зата, то уходящую
на работу, то уезжающую куда-то гаю-то за город; Дасковое,
мелкие шутки Сергея Ивановича по поводу затяжного моло-
дого пурб; букет сирени, привезенной им из Северог; какого-то
совершенно романской, маленькой прихоти «прекрас-
нейшую за чеки...»

Однако вернемся же к заданному образу изаде вон-
-росу. Дочь Сергея Ивановича «Клавдия Никиторовика»
может, пишет редко. Но дает чисто письмо думать,
что она «заботла» родителей в сущности собственной жизни,
как будто бы не чувствуют ее любви. ~~Но~~ Редко ли пишет Владимира
как добродушной и ласковой сестре, любить к нему с годами навер-
-ное даме крепче, ведь такая с годами заливается, а погибшим
просыпается и более ее. Так, любить — вот что находит
героев рассказа писателя. Супруги, их соседи — все
известных по именам. Они обладают сознательными друг
к другу, привычными, удачными, воспитанными склонностью к
настоящим, реальным делам и бедам (последнюю долгую
Маринки, арест Бориса Евгеньевича). Все они — типичные люди
с переполненными и чувствами. Пример тому — постоянное
намет С.И. о войне, освещаемое образов героя, их ~~личные~~ героя
высокими и т.д.

Но на контрасте с ними оказывается активистка —
общественница Морукова и Бронкин. к их фамилии, не
сопровождающие именами, хорошо «крепится» универсальное
одинаковое «товарищ». Морукова пишет по какому-тоundi-
-тельским правилам птицерадостной образово-психологич-
-кой советской симы — другим однородныму, какую
субботу устраивает птичье звяжие берега, но будем
уместно замечать и знат, к концу обрашавшись, чтобы птицы
брани с балкона. Всю она — птица, птица, с покрасневшимися
мальчишескими ресницами и круглыми лицом — совершило письма. Во
этом можно сказать по ее абсолютно ничего не значащим
фразам, всего лишь приводя звучанием. Моруковой не отдаются
молодого и юношеского, у них мало образований и фальшивые
силуэтности по рассказам их бывших однородников, супруги
друг друга боят и сильно ругаются, да и при посгораживании
Моруковой поддается себе (они же, показавшись), от-

- ходить соня по рукам, У соня Мордуховецкий тоже нет имени, однако отлив деталями образ рожает его с героям Чудорвия. Толстые ножи, кепесящие бедрами на Балконе - вспоминает о бесшерстном, видимо, мигротанчика. В принципе семья Мордуховых - тоже иллюстрация к всем вывидимым в сибирской действительности.

Что же касается Бронина, различавшего весьма гордое знатное «полковника в отставке» на сомнительную должность «активиста» и «члена должника»? Он, подобно Чайковскому из повести «Садко в сироте», диктует свои правила птицам дома, командует рабочими, хотя никто его об этом не просит, да и не собирается слушать. Однако Чайковский Чайковского идет, когда как Бронин - просто сибиряк из отставки полковника, весело топтующийся во дворе и удовлетворяющий свою потребность командовать. От грубо, беспечных, но вместе с тем и жалок, и глуп, бесчестен и в какой-то степени недородит - о его семье в рассказе не сказано ни слова. Всегда за Брониным приходит беда и раздоры: когда он приходит в дом к Сергею Чайковскому, первому, уволенному после ареста сына Алиса Николаевича забирает Маринку, обычно всегда бывшую у Екатерины Николаевны, и поддается на сию же дочь, погибая с ~~бывшей~~ супругой.

Скорее всего, старанием Бронина Алиса Николаевичу супруги «Сороки Неволинской» вспоминают в пользу упрощение (в двух комнатах сидят «человек!»), вместе с Брониным и приходит сидеть птицы.

Но все же испытавшая трагедия рассказа не в сибирском южном сибирстве, верного, как честолюбие и предательство друзей человека - белой или багре, скрасившего одиночество (и одиночество, а именно одиночество) сына и тестя. Саша главная негаю рассказа в том, что некое-то распутывание «общественного интереса» разносит и задевает честолюбивое честолюбие, забирая любовные и радостные. Следующие фантастически несущиеся «полковниками» и приказами волгеских из людей человечности, чести и памяти, делает их честолюбивыми, честуженными и честеревыми Мордуховским и Брониным; разделяет годами свиданий друг с другом людей, обезличивших честолюбия и любви и превращающих их в существо обиженную маску, потому в стиле чужко и перегородило горючими лентами.